

© 2013 г. Т.Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ О ПОДДАНСТВЕ РУССКОМУ ЦАРЮ

В данной статье содержится анализ представлений украинской элиты о подданстве русскому царю. Рассматривается генезис формирования менталитета политической элиты Украинского гетманства, ее отношение к договорным «статьям», их соблюдению и присяге.

The article considers the views of the Ukrainian political elite on their relations with Russian tsar. It studies the genesis of the Ukrainian political elite's mentality, their attitude to the «points» of their agreement with the tsar and obligation to be true to the oath of allegiance.

Ключевые слова: Украинское гетманство, Украина, казачество, политическая элита.

Вопрос о характере взаимоотношений Украины с Россией после 1654 г. всегда был очень острым в историографии, как и оценка самих договоренностей в Переяславле. В последнее время в работах российских историков, далеких от собственно «украинских» вопросов, появилась тенденция к упрощению ситуации. В конечном итоге, они озвучивают царский взгляд на события, какими они представлялись в Москве в середине XVII в. [1–2]. Так К.А. Кочегаров при оценке тех соглашений, которые имели место между Московским государством и Украинским гетманством, начиная с 1654 г. пишет: «Мне хотелось бы отметить, что “договор между царем и гетманом” по форме все-таки договором не был [...] Он представлял собой статьи или “пункты”, которые являлись актом царской милости, пожалования и, во-первых, не предусматривали равноправия сторон, а во-вторых легального выхода из царского подданства» [3. С. 117].

Вопрос о форме соглашений Украины с Россией имеет огромную историографию и выходит за рамки настоящей статьи. В данном случае интересно не то, как юридически оформлялось «присоединение» или пользуясь терминологией того времени – «принятие под высокую руку» царя, но то, как на это смотрели стороны, прежде всего – украинская.

Присоединение новых территорий – Украины – не было для России событием исключительным. Поэтому стоит посмотреть на этот вопрос шире, сравнив его с присоединением других народов и территорий. Вопрос о серьезных различиях в отношении к «подданству» двух сторон (царя и присоединяющихся народов) подробно рассмотрен В.В. Трепаловом в ряде работ и в частности – в его последней монографии. Он пишет: «В XVI–XVIII вв. одни владения входили в состав Российского государства реально, другие – номинально. Степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор СПбГУ. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-01017.

«национальных окраинах»». Трепалов выделяет объективные параметры принадлежности региона государству: «1. Включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; 2. Налогообложение в пользу единого государства; 3. Распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; 4. Принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства».

Далее В.В. Трепалов пишет: «Очевидно, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев» [4. С. 134].

Теперь посмотрим внимательно, как данные положения исполнялись и на примере Украины.

1. Малая Россия вошла в титул царя сразу с 1654 г., тогда же была изготовлена и новая большая государственная печать.

2. Налогообложение в пользу царя предусматривалось статьями 1654 г.: «Доходы всякие денежные и хлебные збирать на царское величество и отдавать в его государеву казну» [5. № 245. С. 561]. Однако это на самом деле никогда не исполнялось, и в 1657 г. воевода Ф. Бутурлин выговаривал Б. Хмельницкому, что «доходов никаких царское величество со всех городов Малые Росии [...] в свою царского величества казну ничего не имывал» [6. Т. III. № 369. С. 567]. Идея сборов в царскую казну была возобновлена в Московских статьях 1665 г. с подачи гетмана И. Брюховецкого: «Денежные и не денежные поборы от мещан и от поселян, во всяком Малороссийском городе и селе живущих [...] погодно в казну Государеву выбирать» [7. С. 143]. Но затем – после массового восстания против русских воевод и страшной резни – было ликвидировано, вплоть до петровской реформы 1722 г.

3. Что касается судебной системы и законодательства, то в Жалованной грамоте Алексея Михайловича 1654 г. говорилось: «И судитись им велели от своих старших по своим прежним правам» [5. № 248. С. 568]. Попыток распространить общероссийское законодательство не предпринималось вплоть до 1781 г. (если не учитывать планы ввести общеимперские законы в конце правления Петра I).

4. Украина после 1654 г. подчинялась Посольскому приказу, точнее – входившему в ее состав Малороссийскому. Никакого отношения к Разряду, управлявшему внутренними делами Российского государства, Украинское гетманство не имело. Только в 1722 г. Петр I предпринял попытку создать Малороссийскую коллегию, которая получала права высшего апелляционного суда, а также должна была осуществлять контроль над гетманской администрацией и финансами. После ликвидации коллегии в 1727 г., она была вновь восстановлена в 1733 г. Однако, все эти попытки вплоть до окончательной ликвидации гетманского правления носили временный характер, вызывали множественные протесты, и лишь в 1781 г. на территорию бывшего Украинского гетманства была распространена система администрации Российской империи.

Таким образом, только один пункт из классификации В.В. Трепалова имел место в отношении Украины. Следовательно, можно сделать вывод, что реально территория Левобережной Украины вошла в состав Российского государства только в конце XVIII в., после ликвидации гетманского правления и административно-судебных структур Украинского гетманства. До этого Украина имела широчайшую автономию, собственную административную и судебные системы, собственное законодательство и даже таможенную. Что касается Правобережной Украины, то она окончательно волилась в состав Российского государства еще позже – примерно в 30-е годы XIX в., когда на территориях бывшей Речи Посполитой было ликвидировано использование Литовского статута и распространена губернская администрация.

Можно отметить, что начиная с конца 50-х годов XVII в. российские власти предпринимали попытки ускорить процесс реального вхождения украинских земель в структуру Российского государства, но каждый раз наталкиваясь на яростное сопротивление местной элиты и широких масс казачества и мещанства, отказывались от этих попыток.

Как же относилась украинская казацкая элита к вопросу о подданстве? С точки зрения Московского государства – подданный, это подчиненный власти царя. Правда (о чем пишет В.В. Трепалов [4. С. 135]) в семантике самого слова «подданный» заключен конкретный смысл – плательщик дани, а как мы видели, «дани», т.е. налогов Украина как раз и не платила. Если при оформлении подданства народов, присоединяемых к России, когда шла речь об иноверцах, для оформления подданства использовалась шерть (магические действия), то в случае присоединения христианских народов она заменялась крестным целованием. Трепалов пишет: «Официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему» [4. С. 137]. И далее, что еще более важно: «Если воеводы видели в них (шертях) знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то «иноверцы» – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» [4. С. 139–140].

Именно лояльность была ключевым моментом в тесте присяги Б. Хмельницкого: «Служити нам великому государю и прямити и доброхотом во всем вправду безо всякие хитрости, и нашего государственного здоровья во всем оберегати и никакого лиха нам не мислити» [8. № 94. Ч. II. Л. 84].

Можно возразить, что православные украинцы смотрели на подданство по-другому, чем нехристианские народы. Но ведь именно стремление получить возможность управлять своей страной – было движущей силой казацких восстаний (если не брать «темную» силу, которая сопутствует любым радикальным движениям). Поэтому сохранение своей автономии – как можно более полной – была для них ключевым моментом.

Переосмысление казачеством своей роли в Речи Посполитой, наметившееся в конце 20-х годов XVII в., привело к тому, что старшина стремилась распространить на реестровых права шляхты. Это тем более интересно, что большинство из них и так являлись шляхтой, а, следовательно, имели право пользоваться свободами и политическими правами привилегированной части Речи Посполитой.

Уже через десять лет после смерти гетмана П. Сагайдачного, 9 июня 1632 г. казаки подали в конвояционный сейм письмо, в котором, ссылаясь на «службы свои рыцарские», предлагали в качестве кандидата в короли королевича Владислава и просили, чтобы их считали равными членами Речи Посполитой и «не обделяли в избрании короля». Есть там и примечательное пожелание: «Чтобы мы были наделены вольностями, людям рыцарским надлежащими» [9. Приложение № LXXIV. С. 403–407]. Подписали это письмо Лаврентий Пашковский, Герасим Копц, Дорош Кушкович, Теодор Пых [9. С. 405]. По крайней мере двое из подписавшихся принадлежали к шляхетскому сословию.

Следует отметить, что еще Н.И. Костомаров переводил польское слово «wolność» как «права», а не как «свободу» [10. С. 170]. Именно такая трактовка «вольности» встречается и у Мелентия Смотрицкого: «Представ с нашей просьбой на нынешнем сейме, мы покорно и униженно просим исходить из общих законов: сжалеться, не давайте ломать наших законных свобод и привилегий» [11. С. 178].

На рыцарственный характер службы казаков обращал внимание и Б. Хмельницкий. Он заявлял Я. Смяровскому в ноябре 1648 г.: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им,

с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой» [12. С. 454]. Рыцарь – т.е. ровня шляхте, имеющей права управления, голосования, выбора и т.д.

Именно в годы восстания Хмельницкого пришло полное осознание политической элитой Украины того, что они могут и должны осуществлять свои вольности и иметь право управлять своей страной. Осознание это пришло прежде всего к самому гетману и его ближайшему окружению, а затем – все к более широкому кругу старшины, которая уже с 1649 г. втягивалась в административное и судебное управление Украинским гетманством. Для людей, которые на равных (или почти на равных) переписывались с иностранными государями, обменивались с ними иностранными посольствами, было уже практически невозможно вернуться к прошлому «ушербному» положению. И если вышшим влиянием и властью пользовался только очень узкий слой старшины, то совершенно другое дело – местное управление, административная и судебная власти. Если учесть, что по реестру 1649 г. имелось 16 полков, в среднем по 15 сотен, соответственно 240 сотников, а также писари, бунчужные, обозные, судьи и т.д., набирается несколько тысяч старшины, которая за следующие несколько лет уже почувствовала вкус долгожданной «воли».

Итак, перед нами новая политическая элита, которая с оружием в руках, цепью сложных внешнеполитических комбинаций завоевала право управлять своей страной. Между прочим, такие же права – управлять своим городом добились и украинские православные мещане, наконец изгнавшие католиков, ограничивавших их право вписываться в цеха, участвовать в выборах войта и т.д.

Следует добавить, что трактовка «статей» с московским царем именно как договоров со стороны казацкой элиты была совершенно естественна. И Богдан Хмельницкий, и его преемники опирались на традицию договоров с Речью Посполитой. Эта принципиальная разница в традициях (в Речи Посполитой король был равен своим подданным (шляхте), так как ими избирался – в отличие от самодержца российского) очень ярко проявилась в знаменитом эпизоде в соборной церкви Переяславля в январе 1654 г. Перед принесением присяги Хмельницкий и старшина потребовали от воеводы В.В. Бутурлина «учинити вера за государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Руси, что ему государю их гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское полскому королю не выдавать и за них стоять, и волностей не нарушать». Бутурлин наотрез отказался, заявив, что такого «николи не бывало и впредь не будет», а «всякой подданной повинен веру дати своему государю». На заявление полковников, что «полские короли подданным своим чинят присягу», воевода отвечал, что «те короли неверные и не самодержцы». Показательно, что на присяге воеводы особенно настаивали простые казаки [6. Т. X. № 4. С. 225–227].

Честно говоря, совершенно неясно, почему если шертные грамоты, по мнению историков, являлись двусторонним договором, то таковыми не были «договорные статьи»? То, что гетман и старшина в конечном счете (после долгих пререканий) согласились на одностороннюю присягу, не говорит о том, что их взгляды на «статьи» изменились. Просто военная обстановка требовала срочного союза с царем.

Мы не знаем, на каком языке объяснялись стороны в Переяславле и были ли у воевод переводчики – статейный список В.В. Бутурлина не позволяет ответить на этот вопрос. Но то, что стороны или не понимали или не хотели понимать друг друга – это точно. Когда вопрос зашел о том, будет ли царь платить Войску Запорожскому, посланцы гетмана С. Богданов и П. Тетера заявляли: «Как столники твоего царского величества по городах к вере приводили, сказывали то, что войску запорожскому денги будут» [6. Т. X. № 8. С. 485]. Русские же утверждали, что Б. Хмельницкий говорил Бутурлину, «что они жалованья у государя просить не учнут» [6. Т. X. С. 483].

Точно также неверно считать, что статьи (по крайней мере с точки зрения старшины) не оставляли возможности для «легального выхода». Как ни парадоксально, но царь сам создал прецедент. В решении Земского собора 1653 г. с целью оправдать Б. Хмельницкого и всех жителей Украины в нарушении присяги Яну Казимиру (они приносили ее еще в 1648 г.) говорилось, что польский король, вступая на престол, присягал защищать христианскую веру. «А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушанья чинит свободными» [5. № 197. С. 414]. Не очень с юридической точки зрения веское основание, но в любом случае факт нарушения договоренности одной стороной признавался Москвой основанием для освобождения другой стороны от крестного целования. Видимо, в Москве понимали спорность этого момента и потому искали новые аргументы. Вдогодку к уже отправленному к Хмельницкому с объявлением о «принятии Украины» Бутурлину было послано сообщение с Парфеньем Тоболиным, что «в литовской печатной констытуцые, как Ян Казимер король на коронованье своем присягал, написано, что ему меж разньствующими в вере христианской стрещи и защищати, а утесняти для веры никого не попускать, ни самому утеснять или оскорблять; а будет он в чем клятву свою повредит, то он подначалных своих от послушания своего королевского свободных творить и разрешения никакова от той клятвы своей ни у кого просить не будет и не примет». С этой копии королевской присяги был послан список «латынским писмом» и перевод «рускою речью». Бутурлину приказывалось «в подобное время у гетмана Богдана Хмельницкого [...] про тое королевскую присягу говорить, что король их, по своей присяге, за насиле веры христианские учинил волными. И будет гетман попросит с той королевской присяги списка, и ему список дати белоруским писмом» [6. Т. X. С. 152]. Любопытно, что эту выписку из «польской конституции» для Алексея Михайловича готовил «киевлянин старец Феодосий» [6. Т. X. С. 152–153].

Что же удивляться тому, что в дальнейшем исполнение или нарушение договорных статей царем рассматривалось украинской казацкой элитой как безусловный повод для освобождения их от присяги – так же, как и в случае с польским королем. Например, таким нарушением гетманы считали возможную уступку полякам украинских территорий (предусмотренную Андрусовским перемирием) – и в частности Киева. В связи с этим Д. Многогрешный в 1677 г. прямо заявил, что в случае уступки Киева «они, гетман с Войском Запорожским, сыщут себе иного государя» [8. № 91. Л. 98–108а]. То же самое заявили в 1684 г. и посланцы И. Самойловича: «При ком Киев и Запороже пребывати будет, при том и все Войско Запорожское оставатца непоколебимо будет» [8. № 90. Л. 23].

Вообще, территориальный вопрос очень чувствительно воспринимался украинской элитой. В 1684 г. казацкая старшина писала царю: «Когда сия Малая Росия с Войском Запорожским с посполитым народом принята учинилась в милостивую милостивого пресветлого монарха оною оборону, тогда сия страна малороссийская обреталась в совершенной своей полности, не токмо от полской земли по реку Случь и по город Каменец, а от волоской земли по реку Днестр широта ея протягалась, но и от Литвы в глупь свои широкие имела границы: а по обоим сторонам Днепра города, и места людные, и села частые, и поселения своя изобилныя обретались, а сверх того святынь церквей Божиих множество многое и монастырей благочинных полно было [...] А нынче с великою и неутолимою жалостию нашею мы гетман с войском запорожским и со всем народом малороссийским то поносити должествуем [...] Господь Бог допустил умаленные быть понеже оная сторона Днепра во отлучении осталась [...] Паче нас снедает жалость, что полская страна природною лукавою хитростию своею на Андрусовкой комиссии таких доступила речей, которая так о Киеве, так и о Запороже». И хотя старшина признавала, что территориальные потери произошли частично «войнами внутренними через при-

сяги преступников», но явно не собиралась снимать ответственность за уступки и с царя [8. № 90. Л. 96–98]. Они подчеркивали, говоря про Брацлавское, Киевское и Черниговское воеводства с границами, оговоренными Зборовским договором 1649 г., что «тех трех воеводствах и Украина вся и Войско Запорожское заключаецца» [8. № 90. Л. 19].

Другим, не менее острым и принципиальным, был вопрос об административном управлении – т.е. о полномочиях воевод и их присутствии/отсутствии в городах. Уже подчеркивалось, какая историческая подоплека заключалась в этом требовании казацкой элиты. Трансильванский посол Ф. Шебеш, находившийся у Б. Хмельницкого, записал в дневнике ответ гетмана воеводе Ф. Бутурлину: «Я поддался не для того чтобы делать то, что скажешь [...] Я с польским королем уже перед этим бился, чтобы вернуть свободу мне и казакам, чтобы они не были холопами, но носили казацкое имя» [13. S. 540]. Эти мотивы звучали от старшины и позже. Самойло Выговский в разговоре со стольником П. Скуратовым сказал: «Пушкарь де говорит, что у них во всем Войске быть государевым воеводам [...] Было де то и при королях Польских, что были Ляцкие полковники [...] за то де и межусобье стало, полковников де и ляхов побили» [6. Т. IV. № 68. С. 126].

Именно мотивы «вольности» (т.е. прав) звучали в сентябре 1658 г. в знаменитом универсале Войска Запорожского «к иноземным государям». В нем объяснялась необходимость отступления от «Московии» и перехода под покровительство Речи Посполитой. В этом универсале были такие примечательные слова: «Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную». «Мы ожидали, что учитывая единство веры и наше добровольное подданство, великий князь московский будет к нам справедливым, доброжелательным и ласковым, будет поступать с нами честно и свободы наши не будет притеснять, но наоборот все больше и больше их увеличивать согласно своим обещаниям, но обманули нас эти надежды» [14. С. 363]. Тут можно вспомнить, что например башкиры тоже рассматривали подданство царю как свой свободный выбор и результат взаимного согласия с Москвой, а «стойкая память о добровольном присоединении и царских пожалованиях приводила башкир к убеждению в одностороннем нарушении правительством своих давних обязательств» [4. С. 147, 149].

Глубоким заблуждением будет считать, что в Украинском гетманстве политическая элита смотрела на «статьи» не как на договор, ни к чему не обязывающий царя. В декабре 1659 г. в Москву была направлена депутация влиятельных старшин, которая добивалась пересмотра Переяславских статей 1659 г. Когда им было отказано, через полгода именно эти старшины (П. Дорошенко, П. Апостол и др.) перешли на сторону Речи Посполитой и заключили с ней Чудновское соглашение. Можно вспомнить с какой настойчивостью, а иногда – с бурными дебатами на раде, принимались те или иные статьи – например во время Батуринской рады 1663 г. [15. С. 73–81]. Не меньше споров с воеводами было и в 1669 г. на Глуховской раде. Никто из казацкой старшины не относился к «статьям» как к формальности, но все смотрели на них как на договоренности об определенных взаимных обязательствах.

Ярким доказательством этому служит «Прошение малороссийского шляхетства и старшины о восстановлении разных старинных прав Малороссии», составленное старшинской радой в Глухове осенью 1763 г. Добиваясь расширения автономии, старшина ссылалась на «Статьи Богдана Хмельницкого» и заявляла про события присоединения Украины к России в 1654 г.: «Сие добровольное подданство учинил он на договорах [...] Оные договоры от времени до времени при постановлении каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были» [16. С. 27].

Подводя итог, следует отметить, что в своем отношении к подданству украинская политическая элита опиралась на давнюю традицию борьбы за свои «вольности» и пыталась добиться от царя конкретных, устраивавших ее «статей», по аналогии со статьями, утверждавшимися польскими королями (например, «Статьи или пункты для успокоения руського народа» 1632 г.). После подведения юридической базы под «освобождение от присяги» польскому королю в 1653 г. украинская элита считала себя свободной от присяги в любом случае «нарушения статей». Главным аргументом тут выступал «добровольный» характер подданства. Элита признавала верховенство (подданство) царю – прося подтверждения своих земельных или юридических прав (например, грамоты на имения или на Магдебургское право). Но не считала, что царские чиновники вправе вмешиваться в административные вопросы управления гетманством. Главной обязанностью царя по их мнению была защита от внешнего врага, сохранение территориальной целостности гетманства и соблюдение «вольностей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010.
2. Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. Вых. дан.
3. Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства»» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2.
4. Треналов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
5. Воссоединение Украины с Россией / Сборник документов. М., 1953. Т. III.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1861. Т. III; 1863. Т. IV; 1878. Т. X.
7. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Т. 2.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1.
9. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его современники. Киев., 1883. Т. II.
10. Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884. Т. 2.
11. Уния в документах. Минск, 1997.
12. Краусгар А. Посольство Яна Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 г. // Киевская Старина. 1894. Т. 47. № 12.
13. Monumenta Hungariae Historica, Diplomatoria. Budapeste, 1874. Т. XXIII. Okmantar II Rakoczy diplomaciai ossrekotte tesihet.
14. Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1875. Т. VI. Ч. III.
15. Таирова-Яковлева Т.Г. Батуриные статьи 1663 года. // Батуриньска старовина. Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю батуриньської трагедії. Київ, 2008.
16. Прощение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская Старина. 1883. № 6.